

Соотношение назначения и цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации

Л. Г. Татьяна¹ ✉, Н. О. Машинникова¹

¹Удмуртский государственный университет
ул. Университетская 1, г. Ижевск 426034, Российская Федерация

✉ e-mail: larisa-lisa@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена несоответствием назначения уголовного судопроизводства, сформулированному в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации его целям, установленным в статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которые возможно достичь только посредством состязательной формы уголовного судопроизводства. Такое несоответствие порождает проблемы правоприменения, которые, в свою очередь, снижают эффективность уголовного судопроизводства в целом.

Целью является исследование уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации относительно возможности постановления по делу приговора, соответствующего статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Задачи: выявить взаимодействие уголовно-процессуальных норм на предмет возможности достижения в уголовном судопроизводстве результата, обозначенного в статье 297 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, изучить различные мнения ученых по данному вопросу.

Методология. Методологической основой исследования является метод диалектического научного познания; системный подход к рассматриваемой проблеме, исторический метод, формально-логический и так далее.

Результаты. В ходе исследования в работе выявлены дефекты уголовно-процессуального законодательства в части его внутренних противоречий между назначением, формой и целями, которые не всегда позволяют постановить по делу законный, обоснованный и справедливый приговор.

Вывод. Действующее уголовно-процессуальное законодательство исходит из разных подходов к понятию справедливости (как средства и цели). Между тем справедливость как средство (равнозначность прав сторон – участников уголовного судопроизводства) в состязательном процессе не обеспечивает достижение справедливого решения по делу, а назначение уголовного судопроизводства как его функция не позволяет обеспечить достижения цели уголовного судопроизводства, что порождает проблемы правоприменения, которые, в свою очередь, снижают эффективность уголовного судопроизводства в целом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; цель уголовного судопроизводства; справедливость; истина; состязательность; гуманизм.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Татьяна Л. Г., Машинникова Н. О. Соотношение назначения и цели уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 72–84. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84>.

Поступила в редакцию 11.10.2022

Принята к публикации 17.11.2022

Опубликована 26.12.2022

The Ratio of the Purpose and Purpose of Criminal Proceedings in the Russian Federation

Larisa G. Tatyana¹ ✉, Natalia O. Mashinnikova¹

¹Udmurt State University

1 Universitetskaya Str., Izhevsk 426034, Russian Federation

✉ e-mail: larisa-lisa@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the inconsistency of the purpose of criminal proceedings formulated in Article 6 of the Code of Criminal Procedure with its goals set out in Article 297 of the Code of Criminal Procedure, which can only be achieved through an adversarial form of criminal proceedings. This discrepancy creates problems of law enforcement, which in turn reduce the effectiveness of criminal proceedings in general.

The purpose is to study the criminal procedure legislation of the Russian Federation regarding the possibility of a verdict in the case corresponding to Article 297 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

The objectives of the study are: the study of criminal procedural norms in their interaction for the possibility of achieving the result indicated in Article 297 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in criminal proceedings, as well as the analysis of various positions on this issue.

Methodology. The methodological basis of the research is the method of dialectical scientific cognition; a systematic approach to the problem under consideration, a historical method, a formal logical method, etc.

Results. In the course of the research, the defects of the criminal procedure legislation were revealed in terms of its internal contradictions between the purpose, form and goals, which do not always allow a lawful, reasonable and fair sentence to be passed in the case.

Conclusion. The current criminal procedure legislation proceeds from different approaches to the concept of justice (as a means and an end). Meanwhile, justice as a means (the equivalence of the rights of the parties participating in criminal proceedings) in the adversarial process does not ensure the achievement of a fair decision in the case, and the purpose of criminal proceedings as its function does not allow achieving the goal of criminal proceedings, which generates problems of law enforcement, which in turn reduce the effectiveness of criminal proceedings as a whole.

Keywords: criminal proceedings; purpose of criminal proceedings; justice; truth; competitiveness; humanism.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tatyana L. G., Mashinnikova N. O. The Ratio of the Purpose and Purpose of Criminal Proceedings in the Russian Federation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2022; 12(6): 72–84. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2022-12-6-72-84>.

Received 11.10.2022

Accepted 17.11.2022

Published 26.12.2022

***

Введение

Споры о назначении правосудия по уголовным делам и о необходимости установления по ним истины не одно десятилетие терзают умы учёных и практиков.

При разработке действующего уголовно-процессуального кодекса законодатель уклонился от легализации форму-

лировки «цели» уголовного судопроизводства, заменив её на менее конкретное «назначение», которое в соответствии со ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации направлено на защиту прав его добросовестных невластных участников:

– потерпевшего;

– лица, незаконно привлекаемого к уголовной ответственности.

На наш взгляд, нельзя безусловно согласиться с позицией М. К. Свиридова в том, что цели уголовно-процессуального права определяются целями уголовного права [1, с. 52]. Действительно, уголовное право реализуется посредством уголовного судопроизводства, но их цели отнюдь не идентичны и даже не взаимозаменяемы.

Исходя из того, что назначение уголовного судопроизводства представляет собой его функцию (предназначенность), то его цель, на наш взгляд, допустимо рассматривать в качестве необходимости достижения желаемого результата, который зафиксирован в ст. 297 УПК РФ в части требований к приговору, а именно его законность, обоснованность и справедливость.

Можно не согласиться с заданной целью уголовного судопроизводства и указать на то, что такая цель может быть лишь у правосудия, но здесь следует отметить, что наличие, помимо судебной, ещё и досудебной стадии уголовного судопроизводства не противоречит данному утверждению, поскольку именно посредством правосудия принимается окончательное решение по делу. Все остальные способы урегулирования, но не разрешения уголовно-правового конфликта не направлены на рассмотрение его по существу.

В этом контексте следует уделить внимание ещё одной составляющей уголовного судопроизводства, а именно его форме (виду), поскольку именно она определяет процессуальные права, обязанности и полномочия правоприменителя, а также возможность и процедуру их реализации и одновременно является их пределами, выход за которые строго запрещён. В соответствии со ст. 15 УПК РФ уголовное судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на основе состязательности сторон. Кроме того, состязательная форма процесса за-

креплена в ст. 123 Конституции РФ и является общей формой для всех видов судопроизводства на территории нашей страны.

Таким образом, любой вопрос уголовного судопроизводства следует рассматривать с учётом его трёх неизменных характеристик:

- назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ);
- цели уголовного судопроизводства (ст. 297 УПК РФ);
- формы уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ, ст. 123 Конституции РФ).

Методология

Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, который позволил выявить отсутствие концептуального единства российского уголовного процесса в части его назначения через форму реализации к достижению его цели.

Также для достижения цели исследования были использованы исторический метод, позволяющий проследить развитие представлений о справедливости в рамках осуществления правосудия по уголовным делам; системный подход к рассматриваемым проблемам, формально-логический метод, нашедший своё выражение в толковании содержания правовых норм, регламентирующих назначение уголовного судопроизводства, его цели, принципы и форму и т.д.

Применённая методология исследования позволила достигнуть поставленной цели и решить сформулированные задачи исследования, а также выявить дефекты правового регулирования в части несоответствия назначения и цели уголовного судопроизводства.

Результаты и их обсуждение

Уголовное преследование имеет своей целью борьбу с преступностью, однако такой цели не может быть у суда (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), поскольку её наличие

будет презюмировать его пристрастность и не позволит постановить по делу приговор, в полной мере соответствующий ст. 297 УПК РФ.

Само уголовное преследование не может являться самоцелью в любом демократическом обществе, поскольку представляет собой легализованную форму репрессии, а значит, является методом борьбы с преступностью, в том числе посредством мер государственного принуждения. Уголовная репрессия necessarily обусловлена законом, поскольку может осуществляться вне законодательных рамок – самоуправно, а следовательно, закон должен не только её легализовать, но и обеспечить лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство процессуальными гарантиями. Уголовное преследование, являясь функцией стороны обвинения, направленной на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, вписывается в общее назначение уголовного судопроизводства весьма условно, и то только при наличии двух обстоятельств:

1) наличии коррелирующей функции по защите;

2) требовании установления истины.

Поскольку законодатель в уголовно-процессуальном законе при определённых обстоятельствах прямо допускает возможность достижения лишь юридической истины (при применении презумпции невиновности, в упрощённых процедурах судопроизводства и пр.), то логично предположить, что суд в уголовном процессе не может отвечать за истину, за неё отвечают стороны. В противном случае суд будет пристрастным и превратится в орган уголовного преследования.

По справедливому мнению Т. Г. Морщаковой, достижение объективной истины в российском уголовном судопроизводстве вообще не является приоритетом в контексте того, что больше 60% дел рассматриваются судами без исследования доказательств. По её точному замечанию, в случае введения принципа объ-

ективной истины все виды упрощённого судопроизводства должны исчезнуть, что потребует колоссальных дополнительных расходов для государства¹.

Данный подход даёт понимание того, почему законодатель нормативно не закрепил понятие цели уголовного судопроизводства, поскольку она обусловлена индивидуальными признаками, зависит от обоюдного поведения сторон, их индивидуальными интересами и не всегда совпадает с целью правосудия по уголовным делам. Анализируя теорию Р. Иеринга о целях в праве, который пришёл к выводу, что главным фактором действия в праве является цель, которая впоследствии стала пониматься через интерес [2], А. И. Экимов приходит к выводу, что цели всегда объективны по своему источнику, поскольку направлены на удовлетворение реально существующих интересов и потребностей [3, с. 55]. Между тем В. Ю. Стельмах полагает, что в зависимости от степени абстрагирования цель, в том числе уголовного судопроизводства, необходимо рассматривать на объективном и субъективном уровнях. При этом автор рассматривает субъективную цель как элемент поведения и сознательной деятельности человека [4, с. 56].

Как справедливо отмечает А. В. Агутин, наличие истины в уголовном процессе вовсе не зависит от того, упоминается указанное слово в УПК РФ или нет [5, с. 26]. Однако даёт возможность для разнообразных процессуальных манипуляций, поскольку, по верному мнению В. М. Савицкого, любая идея обязательно должна быть сформулирована в законе, и пока её нет в законе, она остаётся только идеей и не может быть руководящей, обязательной для исполнения [6, с. 1].

И вот здесь, на наш взгляд, кроется концептуальный вопрос современного

¹ Морщакова Т. Г. По пути Вышинского?: [интервью в студии Радио Свобода] // Русь Сидящая. URL: <https://zekovnet.ru/tamaramorshhakova-po-puti-vyshinskogo/> (дата обращения: 27.09.2022).

уголовного судопроизводства: совместимо ли требование законодателя о постановлении обоснованного и справедливого приговора с состязательной формой судебного процесса и его назначением?

Отдельно останавливаться на вопросе обоснованности приговора, на наш взгляд, не имеет смысла, поскольку обоснование всегда конкретно и индивидуально, зависит от того, что именно требуется обосновать и в целом вписывается в контекст состязательного процесса. Между тем ответ на вопрос о справедливости приговора как результата уголовного судопроизводства по конкретному делу в контексте его формы и назначения вызывает определённые сложности. При этом неоспорим тот факт, что справедливый приговор не может быть незаконным и необоснованным.

В этом контексте следует обратить внимание, не вдаваясь в её оценку, на позицию Г. М. Резника, который полагает, что при принятии обвиняемым на себя чужой вины следует относиться уважительно к свободной воле человека распорядиться своей судьбой [7].

Однако справедлив ли результат такого уважительного отношения к воле обвиняемого, обусловленной сокрытием иных лиц, совершивших преступление, либо его желанием быть привлечённым к уголовной ответственности за менее тяжкое преступление, чем он совершил на самом деле, и таким образом скрыться от уголовного преследования.

На необходимость доктринального закрепления принципа справедливости в уголовном процессе, обеспеченного соответствующим комплексом процессуальных инструментариев, указывает Т. Н. Москалькова¹. Согласно выводам, изложенным в Докладе Уполномоченного по правам человека за 2021 г., в настоящее время на первое место выходит запрос на процессуальную справедливость

¹ Москалькова Т. Н. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 года. М., 2021. С. 221.

в уголовном процессе, которая является гарантом обеспечения прав его участников. При этом И. Б. Михайловская указывает, что доминирование юридической истины в уголовном судопроизводстве отражает современные представления о социальной ценности судебной процедуры не как репрессии, а как способа разрешения возникающих конфликтов с наименьшими потерями для общества [8, с. 4].

Право издавна считалось искусством добра и справедливости. Представляется, что моральные основания и этические принципы являются главным и неопровержимым критерием правомерности всякого закона².

Постановление законного, обоснованного и справедливого приговора при возможности установления лишь формальной (юридической) истины, усугублённое требованиями судебной статистики и индивидуальными показателями эффективности деятельности конкретных правоприменителей, не позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства. В качестве самостоятельного негативного, взаимосвязанного с здесь приведёнными факторами, Т. Г. Морщакова указывает на наличие у судьи самоцензуры, поскольку он понимает, что если его решение будет отменено высшей инстанцией, то это снизит его личные показатели и его «не очень будут любить»³.

² Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова на Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершённого ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой». URL: <https://legalacts.ru/doc/po-stanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28062007-n/> (дата обращения: 25.09.2022).

³ Морщакова Т. Г. Судебная власть в России. Перспективы развития // Комитет по гражданским правам. 2016. 7 нояб.

Правовая ценность правосудия определяется пользой, необходимостью для функционирования и развития права, а следовательно, в его способности охранять и реализовывать действующее право [9, с. 25].

Невозможность достичь назначения уголовного судопроизводства вызывает недоверие к судебной системе и правосудию. Между тем авторитет суда обусловлен опытом общества и совокупностью его представлений о должном и необходимом. Такое должное и необходимое было сформулировано ещё Александром II в 1856 г. в период проведения судебной реформы, который указал, что «правда и милость да царствуют в судах». С. А. Пашин совершенно справедливо разделяет государство и право применительно к деятельности суда по осуществлению правосудия, указывая на то, что судья – это человек не на стороне государства, а на стороне права и гражданского общества, а следовательно, суд не карает и не защищает¹. Лишь чёткое понимание этого постулата позволит суду стать независимым арбитром, снискать уважение и доверие у общества и достичь назначения уголовного судопроизводства. В этой связи нельзя не согласиться с Полем Анри Гольбахом в части того, что «правосудие есть основание всех общественных добродетелей»².

Требование о господстве правды в судах, на которое указывал Александр II, должно предъявляться не к судье, вернее не только к нему. Достижение правды в судебном процессе зависит в том числе от должного процессуального поведения сторон. Защитник не должен злоупотреб-

лять софизмами, государственный обвинитель не должен настаивать на обвинении в случае, если оно не подтверждено доказательствами, а значит, обязан принять соответствующее процессуальное решение, суд не должен идти на компромисс в целях поддержания показателей судебной статистики и принимать «шиломыльное» решение. Лишь такое совокупное должное поведение профессиональных участников судебного производства позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства в контексте ст. 6 УПК РФ. Следовательно, вульгаризацией было бы сводить законный интерес к потребности, а защиту этого интереса к предоставлению услуги [10, с. 129]. Однако следует отметить, что в текущем положении дел компромисс зачастую является единственным средством, позволяющим суду проявить гибкость в целях минимизировать вред подсудимому, вина которого, по его мнению, не доказана, поскольку отмена оправдательного приговора судом вышестоящей инстанции является прямым сигналом к постановлению обвинительного приговора с уже сточённой санкцией «на всякий случай».

Адаптируя соответствующее требование императора к современному материальному и процессуальному уголовному праву, можно интерпретировать его как необходимость установления истины по делу с одновременным применением проявления гуманизма к осужденному (при постановлении обвинительного приговора). При этом необходимость установления истины по делу взаимообусловлена с требованием вынесения справедливого решения. Важно понимать, что как бы уважительно не относиться к выбору человека относительно признания за собой чужой вины в особых процедурах судопроизводства, справедливым с точки зрения суда такое решение можно признать едва ли.

Необходимо отметить, что в действующее отраслевое процессуальное законодательство не вошли принципы гу-

<https://zagz.org/1623.html> (дата обращения: 28.09.2022).

¹ Пашин С. А. «Работая, мы молимся» // СПС «Гарант». 2014. 4 июня. URL: <https://www.garant.ru/interview/546177/> (дата обращения 24.09.2022).

² Гольбах П. А. Сентенции. URL: https://gravure-dore.ru/maxim_Holbach.htm (дата обращения: 27.09.2022).

манизма и справедливости, что является весьма странным при наличии в ст. 297 УПК РФ требований к приговору в части его справедливости, а также при наличии в законе основания для освобождения от уголовной ответственности по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, как процессуальное закрепление возможности восстановления социальной справедливости без уголовной репрессии. Последнюю Конституционный Суд РФ определяет как реализацию в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма¹.

В свою очередь, в принципах уголовного закона справедливость нашла своё отражение в двух формах. В ст. 6 УК РФ содержится требование о соразмерности ответственности и индивидуализации наказания, так называемой распределяющей функции справедливости. Статья 4 УК РФ закрепляет равенство всех перед законом как проявление уравнивающей функции справедливости. Интересно, что законодатель не предусмотрел в законе нормы о равенстве перед судом. С одной стороны, это логично, поскольку справедливость в этой части носит процессуальный характер, однако последующего закрепления в УПК РФ в этой части справедливость также не нашла. Можно лишь отметить, что в ст. 297 УПК РФ требование справедливости составляет одну из неотъемлемых частей правосудного приговора [11, с. 118].

Рассматривая принцип гуманизма, который в уголовном законе трактуется как обеспечение безопасности человека с запретом применения уголовно-правовых мер с целью причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства, законодатель обходит вопрос о требованиях к гуманности (в части опять-таки соразмерности) мер уголовно-

процессуального принуждения. Между тем формально при принятии решения о мере принуждения суд вправе не учитывать наличие на иждивении детей (при отсутствии возможности содержания и присмотра со стороны иных родственников), наличие заболевания у самого лица либо близкого родственника, требующего сложного лечения либо постоянного ухода, и иные обстоятельства, наличие которых при принятии решения (например, о заключении под стражу), как раз и могут являться причиной физических и нравственных страданий, унижающих человеческое достоинство (при этом необязательно самого лица, подвергнутого процессуальному принуждению). Исходя из такой логики законодателя следует сделать вывод о том, что проявление гуманизма в особых производствах не является должным. Однако процессуальный гуманизм обеспечивает соразмерность процессуального принуждения в контексте обоснованности применения соответствующих мер.

Таким образом, назначение современного уголовного судопроизводства, с одной стороны, является логичным, поскольку направлено на соблюдение и обеспечение прав его участников, а с другой стороны, не всегда позволяет достичь такого общесоциального блага, как справедливость, поскольку не ставит своей целью установление истины по делу.

Между тем, как справедливо отмечает А. Н. Глебов, цель может быть притворной, когда «недейственные законы не достигают своей цели по той причине, что сам законодатель... создаёт лишь иллюзию желания достигнуть законной цели или преследует эту цель вопреки своей воле» [12, с. 103].

Как обоснованно указывает А. И. Экимов, справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как и представления об интересах [3, с. 57].

¹ Определения Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1220-О; от 22 апреля 2022 г. № 920-О; от 5 июня 2014 г. № 1309-О; от 29 марта 2016 г. № 511-О и др. // СПС «Гарант». URL: garant.ru (дата обращения: 27.09.2022).

Здесь необходимо отметить, что рассматривать справедливость в контексте российского уголовного судопроизводства необходимо через призму принципа состязательности. Это обусловлено тем, что достижение справедливости возможно (если возможно) только в строго установленной законом процессуальной форме – состязательном процессе. Следовательно форма процесса ограничивает возможности правоприменителя по достижению справедливости.

О сущности состязательного процесса достаточно лаконично указывал Г. С. Фельдштейн. По его мнению, под состязательностью необходимо понимать то начало процесса, по которому материальная истина на суде выясняется путём взаимного обмена мнениями равноправных сторон [13, с. 67–73].

Состязательность в совокупности с иными процессуальными гарантиями и запретами, позволяющими реализовывать процессуальный интерес участника уголовного судопроизводства, является мерой свободы, которая, согласно верному мнению Н. О. Исмаилова, также должна быть справедливой [14, с. 136–144].

По верному мнению Г. Ю. Канарша, «классическое определение справедливости принадлежит Аристотелю: “справедливость есть равное, но только для равных” (и наоборот: “неравное, но лишь для неравных”»)» [15, с. 5]. Такая трактовка является весьма актуальной для современного уголовного судопроизводства именно с точки зрения конституционно-правового принципа о равенстве всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Если справедливость представляет собой равные условия для достижения результата, то она не имеет ничего общего с необходимостью установления истины по делу. Кроме того, разный объём прав и обязанностей у разных участников уголовного судопроизводства также находится в контексте указанной трактовки справедливости, поскольку неравный объём прав в таком случае опре-

деляется неравным процессуальным статусом участников уголовного судопроизводства.

С этой точки зрения можно говорить о некоей процессуальной справедливости, которая представляет собой не только предоставление равных условий для равных участников (сторон), но и, по верному замечанию Т. К. Рябининой, должна выражаться в справедливом разрешении судом любого правового вопроса [16].

Представление равных условий для состязания обусловлено наличием равных процессуальных средств защиты, что, по мнению И. А. Насоновой, свидетельствует об усилиях законодателя создать одинаковые возможности защиты для всех участников уголовного процесса, независимо от выполняемой ими функции [17].

Однако возможно ли ограничиться лишь таким пониманием справедливости в уголовном судопроизводстве в контексте ст. 297 УПК РФ?

На наш взгляд, нет.

Предоставление сторонам равных условий для рассмотрения уголовного дела по существу не означает безусловного достижения справедливости по итогам его рассмотрения, поскольку такого рода справедливость обусловлена совершенно иными факторами и условиями. Справедливость приговора невозможна без соответствия его выводов фактическим обстоятельствам события, которое было предметом исследования в уголовном судопроизводстве, а следовательно, встаёт вопрос о необходимости отыскания по делу истины в контексте адекватного отображения действительности в сознании правоприменителя.

Однако, кто эту истину должен искать, если суд не является органом уголовного преследования и не может вставлять на сторону ни обвинения, ни защиты? И можно ли её достичь посредством реализации действующего уголовно-процессуального закона?

Полагаем, что можно, но случайно.

Такой неоднозначный подход законодателя к вопросу о необходимости установления фактических обстоятельств исследуемого события, а следовательно, и его адекватного отражения в сознании правоприменителя породил потребность искусственного обоснования разных видов истин и справедливости, что является не совсем корректным с точки зрения цели доказывания (ст. 85 УПК РФ) и обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ) в контексте требований к приговору.

Только установление фактических обстоятельств, как результат процесса познания в уголовном судопроизводстве, и их адекватная оценка на основе внутреннего убеждения позволяет постановить по делу справедливый приговор. В противном случае, по мнению В. В. Дорошкова, решение по делу не может быть законным и обоснованным [18, с. 10].

Сущность понятия справедливости как необходимого результата правосудия по уголовным делам можно попробовать найти в ст. 297, 389.15, 389.18 УПК РФ. К сожалению, сводится она в них к необходимости соблюдения требований УПК РФ, правильного применения УК РФ, назначению наказания в соответствии с тяжестью преступления и с учётом личности преступника. Положения ст. 6 УК РФ и ст. 8 УИК РФ также понимают справедливость как необходимость дифференциации и индивидуализации ответственности за совершённое преступление. Однако очевидно, что суть справедливого правосудия по уголовным делам этим ограничиваться не должна.

Г. Б. Власова и Н. А. Поликарпова полагают, что правосудие как вид государственной деятельности, призванной обеспечивать справедливость в отношении тех, чьи права и интересы оно затрагивает, базируется на правовых и нравственных началах [19, с. 898].

Не оспаривая тот факт, что установление фактических обстоятельств по делу возможно только с определённой степе-

нью достоверности в силу ретроспективного характера познания в процессе доказывания, следует согласиться с позицией С. В. Познышева, сформулированной В. С. Балакшиным, который полагал, что уголовно-судебная достоверность есть такая высокая степень вероятности, при которой известное решение подкрепляется твёрдо установленными фактами при отсутствии фактов, ему противоречащих и указывающих на недостаточную обследованность дел и недостаточность собранных данных¹. Исходя из этого нельзя согласиться с мнением И. Б. Михайловской, которая полагает, что центральной характеристикой процессуальной формы является положение обвиняемого и средства, позволяющие установить его виновность [20, с. 34].

Возвращаясь к ст. 297 УПК РФ, можно сделать вывод, что приговор не будет справедливым, если он не обоснован. Однако, как тогда быть с приговорами, постановленными в порядке глав 40, 40.1 и с учётом главы 32.1 УПК РФ? Ведь именно обоснование, изложенное в мотивировочной части приговора, является в том числе восприятием судом доказательств и доводов сторон, их оценкой, направленной на достижение справедливости по каждому конкретному делу.

Исследуя вопросы справедливости в уголовном судопроизводстве, В. М. Бозров полагает, что поскольку в современном УПК РФ истина носит конвенциальный характер и зависит от установленных законом пределов свободы усмотрения судьи, то и справедливость, которая должна знаменовать правосудие, не может быть иной². К сожалению, с таким выводом трудно спорить, но можно лишь

¹ Балакшин В. С. Объективная истина как цель доказывания. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=697 (дата обращения: 25.09.2022).

² Бозров В. М. Проблема справедливости в правосудии по уголовным делам. URL: <https://www.iauaj.net/node/525/> (дата обращения: 28.09.2022).

констатировать, что текущее уголовно-процессуальное законодательство имеет концептуальный дефект, если допускает при осуществлении правосудия по уголовным делам достижение договорной истины и условной справедливости. В случае господства формальной в судах истины главным критерием станет не правдивость, а правдоподобие [21, с. 121–122], что повлечёт за собой снижение роли суда, поскольку последний утратит роль активного познавательного субъекта [22, с. 32].

Выводы

Проанализировав действующее уголовно-процессуальное законодательство и доктрину в части вопроса о соотношении назначения российского уголовного судопроизводства с его целями и возможностью их достижения в рамках состязательного процесса, можно прийти к

выводу, что современный уголовный процесс с заложенными в нём функциями и формой не всегда позволяет постановить приговор в соответствии с требованиями ст. 297 УПК РФ, а значит, и достичь цели уголовного судопроизводства.

Предоставление сторонам равных условий для рассмотрения уголовного дела по существу не означает безусловного достижения справедливости по итогам его рассмотрения, поскольку такого рода справедливость обусловлена совершенно иными факторами и условиями. Справедливость приговора невозможна без соответствия его выводов фактическим обстоятельствам события, которое было предметом исследования в уголовном судопроизводстве, а следовательно, встаёт вопрос о необходимости отыскания по делу истины в контексте адекватного отображения действительности в сознании правоприменителя.

Список литературы

1. Свиридов М. К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 52–56.
2. Иеринг Р. фон. Цель в праве // Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 618 с.
3. Экимов А. И. Право в процессе справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 51–61.
4. Стельмах В. А. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 522 с.
5. Агутин А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 448 с.
6. Савицкий В. М. О презумпции невиновности и других принципах уголовного процесса // Уголовный процесс России: лекции-очерки / под ред. В. М. Савицкого. М.: Бек, 1997. 314 с.
7. Резник Г. М. Причина плохого качества следствия в снижении престижа профессий следователя и прокурора // Уголовный процесс. 2022. № 2. С. 50–59.
8. Михайловская И. Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 2–4.
9. Андрейченко Л. С. Реализация справедливого правосудия через призму его социальной ценности // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 22–27.
10. Астафьев А. Ю. Эффективность судебной деятельности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 1. С. 123–133.

11. Титова А. В. Понятие правосудности и справедливости приговора по российскому уголовному праву // *Философия права*. 2009. № 5. С. 117–119.
12. Глебов А. Н. Ценностный диссонанс в правовом регулировании // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2016. Т. 2, № 2. С. 101–112.
13. Фельдштейн Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1915. 433 с.
14. Исмаилов Н. О. Справедливость как мера свободы // *Социология власти*. 2009. № 7. С. 136–144.
15. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философская концепция и российская ситуация. М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2011. 236 с.
16. Рябинина Т. К. Особенности реализации судебной власти в стадии назначения судебного заседания: прошлое и настоящее: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
17. Насонова И. А. О системе средств уголовно-процессуальной защиты // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2010. № 3. С. 43–48.
18. Дорошков В. В. Мировоззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // *Мировой судья*. 2019. № 7. С. 3–11.
19. Власова Г. Б., Поликарпова Н.А. Понятие правосудия как философской и юридической категории // *Молодой учёный*. 2015. № 10. С. 897–900.
20. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. 142 с.
21. Балакшин В. С. Допустимость доказательств: понятие, правовая природа, значение и алгоритм оценки. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. 316 с.
22. Россинский С. Б. Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // *Российская юстиция*. 2015. № 10. С. 31–34.

References

1. Sviridov M. K. Tendencii razvitiya rossijskogo ugovolno-processual'nogo zakonodatel'stva [Trends in the development of Russian criminal procedure legislation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2012, no. 358, pp. 52–56.
2. Iering R. fon. Cel' v prave [The goal in law]. *Izbrannye trudy [Selected works]*. St. Petersburg, Yurid. centr Press Publ., 2006, vol. 1. 618 p.
3. Ekimov A. I. Pravo v processe spravedlivosti: k metodologii issledovaniya [Law in the Process of Justice: towards a research methodology]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2013, no. 2 (307), pp. 51–61.
4. Stel'mah V. A. Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebnyh stadiyah ugovolnogo procesa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki. Diss. dokt. yurid. nauk [The system of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: problems of theory, regulatory regulation and practice. Dr. legal sci. diss.]. Ekaterinburg, 2021. 522 p.
5. Agutin A. V. Mirovozzrencheskie idei v ugovolno-processual'nom dokazyvanii. Avtoref. diss. dokt. yurid. nauk [Ideological ideas in criminal procedural proof. Dr. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2005. 448 p.

6. Savickij V. M. O prezumpcii nevinovnosti i drugih principah ugolovnoogo processa [On the presumption of innocence and other principles of the criminal process]. *Ugolovnyj process Rossii* [Criminal Process of Russia]; ed. by V. M. Savickii. Moscow, Bek Publ., 1997. 314 p.

7. Reznik G. M. Prichina plohogo kachestva sledstviya v snizhenii prestizha professij sledovatelya i prokurora [The reason for the poor quality of the investigation is the decline in the prestige of the profession of investigator and prosecutor]. *Ugolovnyj process = Criminal process*, 2022, no. 2, pp. 50–59.

8. Mihajlovskaya I. B. Prava lichnosti – novyj prioritet Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Individual rights are a new priority of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2002, no. 7, pp. 2–4.

9. Andrejchenko L. S. Realizaciya spravedlivogo pravosudiya cherez prizmu ego social'noj cennosti [Realization of fair justice through the prism of its social value]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial power and criminal procedure*, 2019, no. 4, pp. 22–27.

10. Astaf'ev A. Yu. Effektivnost' sudebnoj deyatelnosti [Efficiency of judicial activity]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law*, 2012, no. 1, pp. 123–133.

11. Titova A. V. Ponyatie pravosudnosti i spravedlivosti prigovora po rossijskomu ugolovnomu pravu [The concept of justice and the fairness of the sentence in Russian criminal law]. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2009, no. 5, pp. 117–119.

12. Glebov A. N. Cennostnyj dissonans v pravovom regulirovanii [Value dissonance in legal regulation]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*, 2016, vol. 2, no. 2, pp. 101–112.

13. Fel'dshtejn G. S. Lekcii po ugolovnomu sudoproizvodstvu [Lectures on criminal proceedings]. Moscow, Tipo-lit Publ., V. Rihter, 1915. 433 p.

14. Ismailov N. O. Spravedlivost' kak mera svobody [Justice as a measure of freedom]. *Sociologiya vlasti = Sociology of Power*, 2009, no. 7, pp. 136–144.

15. Kanarsh G. Yu. Social'naya spravedlivost': filosofskaya koncepciya i rossijskaya situaciya [Social justice: a philosophical concept and the Russian situation]. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities Publ., 2011. 236 p.

16. Ryabinina T. K. Osobennosti realizacii sudebnoj vlasti v stadii naznacheniya sudebnogo zasedaniya: proshloe i nastoyashchee [Features of the implementation of judicial power at the stage of appointment of a court session: past and present]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 240 p.

17. Nasonova I. A. O sisteme sredstv ugolovno-processual'noj zashchity [About the system of means of criminal procedural protection]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 3, pp. 43–48.

18. Doroshkov V. V. Mirovozzrencheskie podhody k sostyazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve [Ideological approaches to competition in criminal proceedings]. *Mirovoj sud'ya = Justice of the Peace*, 2019, no. 7, pp. 3–11.

19. Vlasova G. B., Polikarpova N. A. Ponyatie pravosudiya kak filosofskoj i yuridicheskoj kategorii [The concept of justice as a philosophical and legal category]. *Molodoj uchyonyj = Young Scientist*, 2015, no. 10, pp. 897–900.

20. Mihajlovskaya I. B. Celi, funkcii i principy rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva (ugolovno-processual'naya forma) [Goals, functions and principles of the Russian criminal procedure (criminal procedure form)]. Moscow Prospekt Publ., 2003. 142 p.

21. Balakshin V. S. Dopustimost' dokazatel'stv: ponyatie, pravovaya priroda, znachenie i algoritm ocenki [Admissibility of evidence: concept, legal nature, meaning and evaluation algorithm]. Ekaterinburg, UMC UPI Publ., 2013. 316 p.

22. Rossinskij S. B. Neskol'ko slov o celi dokazyvaniya v sostyazatel'nom ugovolnom sudoproizvodstve [A few words about the purpose of proof in adversarial criminal proceedings]. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*, 2015, no. 10, pp. 31–34.

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьянина Лариса Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация, e-mail: larisa-lisa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6404-6786

Larisa G. Tatyana, Dr. of Sci. (Juridical), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, e-mail: larisa-lisa@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6404-6786

Машинникова Наталья Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация, e-mail: n-alico@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3928-9492

Natalia O. Mashinnikova, Cand. of Sci. (Juridical), Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Law Enforcement, Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation, e-mail: n-alico@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3928-9492